Я. АКИМОВЪ.

„Не могу молчать!“

Предисловіе Л. Меньщикова.

Содержаніе:

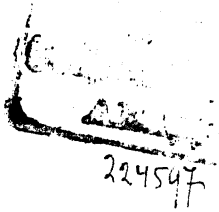
1) Какъ осудили невинныхъ.
2) Генералъ-провокаторъ Азефъ.
3) Опять провокаторъ! (Встрѣча съ Батушанскимъ).
4) Я требую суда надъ Бурцевымъ!

Цѣна 10 сентовъ.

Нью-Іоркъ
1912.

„Пров 35“

„Пров 49“

ПРЕДИСЛОВІЕ.

28-го іюня 1906 года въ Севастополѣ былъ смертельно раненъ командиръ Черноморскаго флота, Чухнинъ. Впечатлѣніе, произведенное этимъ актомъ революціонной мести, было громадно. Для характеристики настроенія, которое господствовало тогда въ широкихъ кругахъ, я позволю себѣ привести здѣсь отзывъ по поводу севастопольскаго событія одной изъ весьма распространенныхъ въ то время газетъ.

"Мысль", издававшаяся въ С.-Петербургѣ, писала 30-го іюня 1906 г. слѣдующее.

Возстаніе броненосца "Потемкинъ", судъ надъ потемкинцами, возстаніе въ Севастополѣ, стрѣльба изъ русскихъ пушекъ по русскимъ судамъ, которую открылъ при этомъ Чухнинъ, трагическая исторія лейтенанта Шмидта и роль Чухнина въ ней,—все это еще слишкомъ свѣжо въ памяти читателя. Чухнинъ пріобрѣлъ всероссійскую, можно сказать, всемірную и очень печальную извѣстность. Онъ заслужилъ ненависть уже не у однихъ матросовъ. Широкіе слои населенія на тысячахъ собраній и крестьянскихъ сельскихъ сходовъ свидѣтельствовали ему свою ненависть и отвращеніе, посылали ему свои проклятія за его поведеніе въ дѣлѣ лейтенанта Шмидта. Чухнинъ передъ всѣмъ русскимъ обществомъ обрисовался, какъ яркій, типичный представитель самой необузданной, жестокой, прямолинейной реакціи.

На Чухнина уже было одно покушеніе. Героическая

дѣвушка Е. Измайловичъ, явившись къ нему на пріемъ, нанесла ему нѣсколько ранъ выстрѣлами изъ браунинга. Раны оказались не опасными. А мстительный и злобный старикъ не захотѣлъ предоставить даже военному суду вѣдаться со своей жертвой. По его приказу Измайловичъ была убита (разстрѣляна) тутъ же, на его дворѣ. Этимъ распоряженіемъ самъ представитель "законной" власти, какъ нельзя яснѣе, обрисовалъ истинный смыслъ происходящей на нашихъ глазахъ борьбы: законъ тутъ не причемъ, идетъ чисто физическая борьба, война, и побѣдитъ въ ней тотъ, на чьей сторонѣ окажется сила. И высшіе представители власти въ странѣ согласились съ Чухнинымъ, такъ какъ не привлекли его къ отвѣту за его преступленіе.

Гибель Чухнина была рѣшена въ тотъ моментъ, когда онъ занялъ ярко опредѣленную позицію въ борьбѣ старой и новой Россіи. Онъ задался утопической мыслью "задавить волненіе" не только во флотѣ, но и среди рабочей портовой массы, издавая всякаго рода приказы по увольненію рабочихъ, оставляя тысячи голодающихъ на произволъ судьбы. И вотъ "волненіе", которое столько лѣтъ искоренялъ Чухнинъ, раздавило его на своемъ пути..."

Правительство, всегда относившееся весьма чувствительно къ террористическимъ ударамъ, было поражено убійствомъ Чухнина тѣмъ болѣе, что севастопольское событіе явилось совершенно неожиданнымъ, оно грянуло, какъ громъ при чистомъ небѣ. Сбитая натискомъ революціонной волны съ позицій, правительственная власть успѣла уже встать на ноги, она опредѣлила силы врага и начинала дѣйствовать увѣреннѣе. Забасто-

вочная кампанія рушилась; партія соціалистовъ-революціонеровъ находилась подъ чарами Азефа, настолько, что департаментъ полиціи могъ проводить черезъ него свои "директивы"; центральный комитетъ партіи постановилъ пріостановить временно терроръ... И вдругъ — Чухнинъ, который еще во время китайской кампаніи одерживалъ побѣды надъ внутреннимъ врагомъ, входя "въ иностранные порты съ повѣшенными матросами, болтавшимися на накѣ", Чухнинъ, усмирившій "потемкинцевъ" и "очаковцевъ" и подававшій столько надеждъ въ этомъ духѣ, неожиданно падаетъ отъ солдатской пули!.. Надъ этимъ фактомъ нельзя было не призадуматься серьезно; на немъ остановила вниманіе и такъ называемая умѣренная печать. Не лишне припомнить, что говорила по этому поводу кадетская пресса. Съ этой цѣлью я процитирую статью той же "Мысли". 1-го іюля эта газета писала:

"Рѣчь" говоритъ: "Политическія убійства безостановочно и съ большей еще напряженностью продолжаются вопреки тому, что революціонная организація, какъ извѣстно нашимъ читателямъ, категорически заявила о пріостановленіи террористическихъ дѣйствій, пока окончательно не выяснятся роль и значеніе Государственной Думы"...

Заявляя о пріостановленіи террористическихъ фактовъ, она мотивировала это тѣмъ, что совершенно ясное для нея значеніе думы недостаточно ясно для широкихъ слоевъ народныхъ, возлагающихъ на Думу несбыточныя надежды. Предвидя скорое крушеніе этихъ надеждъ на горькомъ опытѣ, эта "организація" рѣшила, "не смущать ни единаго отъ малыхъ сихъ" и дать опыту съ Думой произойти въ чистомъ видѣ.

"Пусть, — говорила она въ обошедшемъ всѣ газеты заявленіи, — никто не сможетъ сказать, что террористы своимъ вмѣшательствомъ воспрепятствовали Думѣ уладить дѣло мирнымъ путемъ". "Организація" лишила власть имѣющихъ права говорить: "Мы терроризируемъ, потому что революціонная партія терроризируетъ". Революціонная партія отстранилась и оставила кадетскую Думу лицомъ къ лицу съ правительствомъ. Протекло два мѣсяца попытокъ кадетовъ лойяльными путями вывести Россію изъ тупика. Отвѣтомъ имъ было — продолженіе погромной политики. Ни земли, ни воли, ни амнистіи, ни снятія военныхъ положеній — н и ч е г о ! И, при всемъ своемъ политическомъ оптимизмѣ, к.-д. партія устами "Рѣчи" должна была нынѣ же рѣшиться на вовсе непріятное для нея признаніе: "До сихъ поръ вѣдь **только** чрезвычайныя средства и выручали, и населенію некогда было привыкнуть къ мысли о болѣе экономной тратѣ общественныхъ силъ въ рамкахъ парламентской борьбы".

Итакъ, **несмотря на** пріостановку партіей с.-р. террористической борьбы, "болѣе экономная" трата общественной энергіи опять ни къ чему не привела.

Организованный революціонный терроръ прекратился, но не прекратились правительственныя неистовства, и они стали все больше и больше возбуждать волненія въ городахъ и деревняхъ, въ центрахъ и на периферіи, въ "вольномъ" населеніи и въ арміи, и само населеніе стало реагировать на насилія все чаще и чаще и разрозненными актами, и массовыми вспышками. "Рѣчь" дѣлаетъ изъ этого не особенно правильное заключеніе: "Очевидно, сами эти организаціи не въ силѣ уже заво-

рожить того духа мести, который они разбудили и который овладѣваетъ настроеніемъ широкихъ круговъ населенія".

Въ этомъ разсужденіи "Рѣчи" вѣрно только то, что духъ гнѣва и мести все болѣе и болѣе овладѣваетъ широкими кругами населенія. А это и значитъ, **что населеніе утрачиваетъ вѣру въ мирный исходъ** подъ руководствомъ Думы, что опытъ протекъ въ чистомъ видѣ, безъ помѣхъ, и уже далъ самые недвусмысленные результаты...

Но какъ бы ни были странны отдѣльныя мысли главнаго руководящаго органа к.-д. партіи, и онъ все-таки не могъ не добраться черезъ нихъ до вывода, о которомъ вопіетъ жизнь, вопіютъ факты, — самые камни вопіютъ: "Для всякаго трезваго человѣка совершенно ясно, что терроръ не прекратится, пока не произойдетъ страстно ожидаемое обновленіе Россіи, и что, чѣмъ сильнѣе будутъ репрессіи, тѣмъ энергичнѣе будетъ месть".

Но севастопольское событіе произвело сенсацію не только потому, что оно имѣло крупное внутреннее содержаніе; самый внѣшній характеръ акта имѣлъ выдающійся характеръ, удивлялъ всѣхъ своей чистотой, такъ сказать, въ техническомъ отношеніи. Изъ посторонихъ лицъ никто рѣшительно не пострадалъ, "злоумышленникъ" исчезъ безслѣдно, пособниковъ не оказалось. Правда, "трусевичи" приложили всѣ усилія, чтобы найти виновныхъ, но потерпѣли неудачу и сорвали злобу очень дико, засудивъ въ качествѣ соучастниковъ людей непричастныхъ къ дѣлу.

Таковы внѣшнія условія, при которыхъ выступилъ на общественную арену авторъ разсказа, предлагаема-

го вниманію читателей. Въ этой обстановкѣ зародились личныя переживанія его, въ которыя послѣдующее время внесло столько трагическаго элемента. Если даже бѣгло прослѣдить жизненную стезю автора, то нельзя не замѣтить въ ней нѣчто исключительное, даже роковое. Онъ совершаетъ актъ въ то время, когда сама террористическая партія запретила боевыя выступленія. Онъ спѣшитъ опять на работу, но съ первыхъ же шаговъ своей дѣятельности въ рамкахъ организаціи нарывается на провокатора, который спѣшитъ направить его въ Петербургъ, зная, что тамъ скорѣе накинутъ на него "столыпинскій галстухъ". Ему надоѣло заграничное прозябаніе и онъ рвется снова на дѣло, но изъ пяти-шести участниковъ "отряда", съ которымъ онъ ѣдетъ, одинъ оказывается шпіономъ. Онъ подмѣчаетъ признаки грядущаго провала и благоразумно рѣшаетъ не идти на вѣрную, безрезультатную смерть, а ему ставятъ въ вину напрасную затрату денегъ. Онъ сидитъ въ тюрьмѣ, ему грозятъ когти правительственной мести, а друзья бросаютъ его на произволъ судьбы и обвиняютъ въ самомъ позорномъ для революціонера преступленіи — въ предательствѣ. И это убійственное обвиненіе идетъ отъ тѣхъ, кто допустилъ ѣхать съ отрядомъ дѣйствительнаго предателя, кому было указано на возможность несчастія и кѣмъ не было принято мѣръ предосторожности даже и послѣ этого предупрежденія. Онъ пытается доказать нелѣпость возведенной на него клеветы, а судьи, ослѣпленные дутымъ престижемъ самозваннаго генералъ-прокурора, кричатъ: "Ты не только измѣнникъ, но и самозванецъ". Мало того, товарищеская рука коварно готовитъ отраву ему, уже доказавшему, что онъ готовъ жертвовать своей жизнью "за други своя".

Онъ измученъ, доведенъ до полнаго отчаянія, способенъ на безразсудный шагъ, а на его требованіе выяснить дѣло отвѣчаютъ грубой ложью, издѣвательствомъ. Наконецъ, терпѣніе его изсякаетъ и изъ наболѣвшей груди вырывается: "Не могу молчать!" Онъ дѣлаетъ послѣднюю попытку добиться справедливости и обращается къ суду общественнаго мнѣнія, къ суду товарищескому...

Онъ говоритъ: "Не могу молчать!" Къ этому можно прибавить: и не слѣдуетъ молчать! Всѣ, кто не признаетъ въ товарищескихъ отношеніяхъ кумовства и генеральства, всѣ, кому противны ложь и произволъ, откуда бы они не исходили; всѣ, кто ставитъ идеалъ выше дешевыхъ и болѣзненныхъ амбицій отдѣльныхъ личностей — **не должны молчать.** Въ революціонной средѣ не можетъ быть мѣста чинопочитанію, рутинѣ, бюрократизму. Истинные революціонеры должны имѣть мужество публично признаваться въ своихъ ошибкахъ. Настоящая революціонная борьба не можетъ нуждаться въ обманахъ, мистификаціяхъ и замалчиваніи ихъ, она не должна прикрывать своимъ краснымъ знаменемъ грязь и тлѣнъ. Ей нуженъ чистый воздухъ правды, онъ вдохнетъ въ нее свѣжія силы, а новыя силы дадутъ ей и новыя побѣды.

Л. Меньщиковъ.

1 (13) марта 1912 г.
Нью-Іоркъ.

Глава I.

КАКЪ ОСУДИЛИ НЕВИННЫХЪ.

Въ историческомъ сборникѣ "Да здравствуетъ Народная Воля" (Парижъ, 1907 г.) я разсказалъ подробно о томъ, при какихъ обстоятельствахъ совершилась казнь главнаго командира Черноморскаго флота, Чухнина. Въ настоящій моментъ, прежде чѣмъ приступить къ описанію того, что мнѣ пришлось испытать въ послѣдующее время, я намѣренъ остановиться на нѣкоторыхъ деталяхъ дѣла Чухнина, въ виду того, что онѣ имѣютъ общественный интересъ.

Царское правительство отличается мстительностью по отношенію къ своимъ политическимъ противникамъ; оно не любитъ, когда крамольное "преступленіе" остается безъ примѣрнаго "наказанія"; оно всегда старается во что бы то ни стало найти виновнаго, но часто такоѣыхъ не находитъ и вымещаетъ тогда свою злобу на людяхъ невинныхъ.

Такъ было и въ моемъ дѣлѣ. Адмиралъ Чухнинъ палъ, а "преступникъ" исчезъ — могло ли правительство примириться съ этимъ? Нельзя обнаруживать своего безсилія; кого-нибудь да надо засудить, если не самого виновника, то сообщниковъ его, если не сообщниковъ, то... хотя бы свидѣтелей, — на то и существуетъ "щегловитовъ судъ". Такая же комедія была продѣла-

на и въ дѣлѣ Чухнина. Первый актъ ея поручили состряпать слѣдователю Кочубинскому и онъ блестяще справился со своей задачей — найти виновныхъ среди невинныхъ людей. Этотъ Кочубинскій, энергично взявшись за слѣдственное производство, — "сразу напалъ на слѣдъ и раскрылъ подготовленное преступленіе. Главный виновникъ Акимовъ, какъ стрѣлявшій въ адмирала. Поведеніе и вообще образъ жизни Акимова ясно говорятъ кто имъ руководилъ"*).

Правъ былъ слѣдователь Кочубинскій, когда онъ "сразу напалъ на слѣдъ". Да развѣ такъ ужъ трудно это было? Поступилъ на службу я легально, предъявивъ бывшему адъютанту Чухнина Ковейскому нужныя бумаги, а занявъ нужный мнѣ постъ—сдѣлалъ то, что давно должно было быть сдѣлано и къ чему я пришелъ вовсе не потому, что мной руководили тѣ, о комъ думали Кочубинскій и нововременцы, а благодаря тому, что въ моей душѣ жила свѣтлая память о Кравчинскомъ и, особенно, о Бальмашевѣ, жила и укрѣплялась во мнѣ созерцаніемъ всего рабскаго строя Россіи. Исполнивъ свой долгъ, я ушелъ, чтобы не быть лишнимъ человѣкомъ между столбами, на которые обыкновенно опирается царское "правосудіе".

Да, слѣдователь Кочубинскій "напалъ на слѣдъ", это вѣрно, но напалъ тогда, когда отъ меня, какъ говорится, "слѣдъ уже простылъ".

Это, конечно, не могло остановить щегловитовскихъ

---

*) Свѣдѣнія о слѣдствіи и судѣ по дѣлу Чухнина взяты мною изъ отчета, появившагося въ газетѣ, которой въ этомъ случаѣ повѣрить можно. (См. "Новое Время" № 10884 и др. за 1906 г.).

законниковъ и потому вскорѣ же "Слѣдствіе добыло новый цѣнный матеріалъ въ качествѣ уликъ" не только относительно Акимова, но и противъ матроса Шатенко.

"Нѣтъ никакого сомнѣнія, — компетентно заявляетъ "Новое Время"—что убійство Чухнина дѣло рукъ Акимова и Шатенко; вопросъ только въ томъ, кто именно стрѣлялъ. Шатенко называлъ себя участникомъ преступленія, а скрывшагося Акимова стрѣлявшимъ. Очевидецъ, адъютантъ главнаго командира, Сергѣевъ, на основаніи сходства утверждаетъ противное".

Лжетъ "Новое Время"! Лжетъ слѣдователь Кочубинскій! Лжетъ адъютантъ Сергѣевъ! Шатенко не могъ признать за собой никакой вины по той простой причинѣ, что онъ не только не зналъ моихъ плановъ, но я съ нимъ не былъ даже и знакомъ, такъ какъ всегда считалъ его за яраго черносотенца и потому вообще избѣгалъ съ нимъ всякихъ встрѣчъ; онъ могъ меня видѣть убѣгающимъ, но изъ этого нельзя дѣлать вывода о какомъ либо его соучастіи, иначе пришлось бы привлечь въ качествѣ обвиняемаго и самаго Сергѣева, который тоже кой-что видѣлъ. Ставить Шатенко въ вину то, что онъ меня не задержалъ—тоже безсмыслица; вопервыхъ, за дальностью разстоянія онъ не могъ знать о случившемся, а во вторыхъ, если бы онъ понялъ въ чемъ дѣло и захотѣлъ бы меня задержать (въ чемъ я не сомнѣваюсь), то его постигла бы участь самого Чухнина.

"Очевидецъ" Сергѣевъ "утверждаетъ обратное" — истинѣ, когда заявляетъ, что по его мнѣнію, стрѣлялъ Шатенко. Не могу понять, какъ онъ рѣшился дѣлать такое завѣреніе; должно быть это очень было нужно его начальству. "Основанія сходства" здѣсь никакого не мог-

ло быть, хотя бы просто потому, что Шатенко на мѣстѣ дѣйствія близко не было; наконецъ, и въ нашей внѣшности имѣлась значительная разница, хотя бы въ отношеніи одежды: я былъ въ матросской формѣ, а онъ, какъ запасный, — всегда ходилъ въ статскомъ платьѣ.

Насколько добросовѣстнаго свидѣтеля имѣлъ судъ въ лицѣ офицера Сергѣева можно увидѣть при дальнѣйшемъ разсмотрѣніи его показаній.

"Обойдя всѣ аллеи дачи, мы остановились вблизи тениса, на открытомъ мѣстѣ, собираясь вскорѣ направиться домой. Въ это время насъ было четверо. Вдругъ, совершенно неожиданно для насъ, послѣдовало два, одинъ за другимъ, выстрѣла".

Совершеннно невѣрно, что я сдѣлалъ первые два выстрѣла "одинъ за другимъ": первый спускъ курка далъ осѣчку и сопровождался лишь трескомъ пистона, предупредившимъ присутствовавшихъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и Сергѣева, ухватившагося за свои карманы съ цѣлью приготовиться къ оборонѣ. Для Сергѣева выстрѣлы, конечно, были "неожиданными"—развѣ онъ и его начальникъ могли допустить, что революціонеры нападутъ среди бѣла дня, да еще въ такомъ казенно-военномъ мѣстѣ? Отъ этой то неожиданности, повидимому, и "задвоило" въ ушахъ Сергѣева; а мою "осѣчку" ему помнить слѣдовало—только благодаря ей онъ получилъ возможность разсказывать небылицы слѣдователю:вторая картечь не миновала бы Сергѣева, который, перерѣзая мнѣ путь, пускалъ мнѣ подъ ноги пулю за пулей.

"Узнавъ, что адмиралъ раненъ,—повѣствуетъ адъютантъ Чухнина далѣе,—я бросился къ злодѣю съ направленнымъ противъ него револьверомъ, онъ же, пере-

ложивъ ружье въ лѣвую руку, убѣгалъ, скрываемый деревьями и кустами и отстрѣливался отъ меня изъ револьвера. Я использовалъ всѣ пять патроновъ пятизаряднаго револьвера системы См. и Вессонъ, при чемъ первые три дали осѣчку, а послѣдніе два были дѣйствительными, но, какъ видно, не попали, благодаря дальности разстоянія для револьверныхъ выстрѣловъ, а также быстрому перемѣщенію и прикрытости цѣли. Тѣмъ не менѣе, послѣ моихъ выстрѣловъ онъ пересталъ отстрѣливаться и побѣжалъ безъ оглядки. Не смотря на то, что мнѣ нечѣмъ было стрѣлять, я продолжалъ гнаться за злодѣемъ".

Бѣдный лейтенантъ Сергѣевъ! Трудно ему сознаться въ томъ, что въ критическій моментъ онъ растерялся, какъ мальчикъ, и военнаго ухарства совершенно не обнаружилъ. Я понимаю офицерскую амбицію г. Сергѣева, но думаю, что лгать ради ея защиты не слѣдовало. Дѣло въ томъ, что во время перекладыванія ружья я совсѣмъ не убѣгалъ, а стоялъ на открытомъ мѣстѣ, въ десяти шагахъ отъ Сергѣева и доставалъ застрявшій въ карманѣ браунингъ для самозащиты. У Сергѣева дѣйствительно была осѣчка, но лишь одна; послѣдующіе же его двѣ пули попали въ гравій около моихъ ногъ, послѣ чего онъ, отстраняясь отъ моихъ выстрѣловъ, споткнулся и упалъ.

Предполагая, что Сергѣевъ раненъ и памятуя, что "лежачаго не бьютъ", я сталъ удаляться, сдѣлавъ послѣдній выстрѣлъ изъ браунинга въ адмирала.

Черезъ пять-шесть секундъ предо мной снова прожужжали двѣ пули, взрыхляя дорожную пыль. Я остановился, чтобы отпарировать выстрѣлы, такъ какъ къ

этому времени успѣлъ набить обойму браунинга патронами.

Обернувшись, я увидѣлъ, что Сергѣевъ, пустившій мнѣ пули въ догонку, стоялъ вдалекѣ и кричалъ: "держи, держи"!

Таковъ характеръ свидѣтельскихъ показаній, на основаніи которыхъ "щегловитовъ судъ" послалъ на каторгу, въ качествѣ моихъ соучастниковъ, людей совершенно неповинныхъ. Въ свое время, я, какъ лицо, совершившее актъ, былъ названъ въ заявленіи, опубликованномъ особымъ листкомъ Севастопольскимъ комитетомъ партіи соціалистовъ-революціонеровъ и перепечатаннымъ затѣмъ въ № 3 газеты "Трудъ", издававшейся Петербургскимъ комитетомъ той-же партіи. Но царлить обломками дворца Бирилева, Неплюева, Каульбарса, Думбадзе и другихъ усмирителей, но не сдѣлалъ вать иначе. Было время, напримѣръ, когда я могъ завакая юстиція вѣритъ больше своимъ Сергѣевымъ и Кочубинскимъ и несчастныя жертвы судебнаго произвола продолжаютъ томиться на каторгѣ. Этимъ правительство какъ бы хочетъ показать, что "на войнѣ, какъ на войнѣ", — нечего очень разбирать правыхъ и виноватыхъ. Но мы, революціонеры-террористы, привыкли дѣйствоэтого лишь потому, что одновременно съ ними могли пострадать и посторонніе люди...

Генералъ-прокуроръ, конечно, знаетъ, что осудили невинныхъ, но не въ интересахъ министерства юстиціи обнаруживать свои беззаконія, а на незаслуженныя людскія страданія оно не привыкло обращать вниманія. Но я чувствовалъ бы себя виноватымъ предъ своей со-

вѣстью, если бы не воспользовался новымъ случаемъ заявить во всеуслышаніе: **по моему дѣлу осуждены совершенно невинные люди. Шатенко и Васильевъ никакого отношенія къ моему акту не имѣли. Ничего общаго у меня съ ними не было.** Они даже къ числу революціонеровъ не принадлежали. У меня не было соучастниковъ. Я имѣлъ одного лишь пособника и это былъ самъ адмиралъ Чухнинъ, заставившій меня своей безмѣрной жестокостью поднять на него руку.

Освободите же невинно осужденныхъ Шатенко и Васильева!

Глава II.

ГЕНЕРАЛЪ-ПРОВОКАТОРЪ АЗЕФЪ.

Было это осенью 1906 года. Предо мной распахнулась дверь и въ нее ввалился "Иванъ Николаевичъ"—ожирѣвшій человѣкъ, съ отвисшими, какъ у негра, губами и тупымъ, ничего не выражающимъ лицомъ; онъ сталъ ко мнѣ бокомъ, протянулъ мнѣ, не глядя въ лицо, пухлую, какъ у кущца, руку, и какимъ-то взволнованно-надтреснутымъ голосомъ прогнусавилъ:

— Здра-асти... Вы хотите имѣть работу?

— Да, хочу работы.

— Какую-же Вы хотите?

— Я хочу ознакомиться съ изготовленіемъ взрывчатыхъ веществъ.

— У-гу... удивился мой собесѣдникъ и надъ чѣмъ-то задумался. Присѣсть онъ не хотѣлъ, такъ какъ, очевидно, куда-то торопился; уставившись глазами въ полъ.

онъ продолжалъ о чемъ-то соображать... Я стоялъ напротивъ Ивана Николаевича въ ожиданіи отвѣта и старался разгадать его мысль. Онъ чѣмъ-то, повидимому, тяготился и по лицу его видно было, что мое съ нимъ свиданіе его мало интересуетъ и что оно вовсе не въ то время назначено, когда онъ этого хотѣлъ бы.

Я смотрѣлъ на Ивана Николаевича и ежеминутно ждалъ, что вотъ-вотъ его глаза раскроются и я узнаю то, что его такъ затрудняетъ. Наконецъ, онъ слегка покачнулся, сдвинулъ брови и на минуту раскрылъ глаза, въ которыхъ блеснула не то ненависть, не то отчаяніе и страхъ; лицо его въ это время передернулось въ какую-то злобно-скрытую улыбку.

Этотъ взглядъ и гримаса Азефа хорошо запечатлѣлись въ моей памяти. Я живо помню, какое отталкивающее впечатлѣніе они на меня произвели. Я видѣлъ много товарищей-революціонеровъ, но я никогда не испытывалъ такого тяжелаго ощущенія при встрѣчѣ съ кѣмъ нибудь изъ нихъ. Во всей внѣшности "Ивана Николаевича" не было и слѣда того, что такъ характерно для людей, которые клали душу свою "за други своя". Грузная, аляповатая фигура и манеры его напоминали скорѣе купца, человѣка, живущаго интересами купли и продажи. Я въ немъ сразу почувствовалъ лицо, постороннее всему, чѣмъ я горѣлъ, жилъ и болѣлъ.

Наша бесѣда продолжалась въ томъ же духѣ.

— Такъ вы хотите работать въ лабораторіи?—спросилъ Азефъ.

— Да, отвѣтилъ я.

— Видите-ли, это намъ теперь не годится.

— Почему?

— Лабораторіи всѣ заняты.

— И здѣсь?

— Изъ Финляндіи намъ неудобно транспортировать снаряды, такъ какъ можетъ произойти взрывъ при сотрясеніи въ поѣздѣ. Вамъ вотъ что нужно будетъ сдѣлать...

— Что?

— Завтра же утромъ поѣзжайте въ Петербургъ.

Сказавши это, Азефъ снова задумался.

— Каковы же будутъ мои функціи въ Петербургѣ?

— Да, Вамъ надо ѣхать въ Петербургъ. Вы кажется хорошо стрѣляете?

— Какъ?

— Ну, да, Вы вѣдь по дѣлу Чухнина.

— Да.

— Слышалъ.

— Такъ вотъ мое рѣшеніе таково, что Вамъ завтра же надо отправиться въ Питеръ.

— Что же я тамъ буду дѣлать?

— О дѣлѣ Вы узнаете на мѣстѣ. У насъ есть планъ относительно высокопоставленныхъ лицъ... Такъ вотъ намъ нужны стрѣлки и Вы будете участвовать въ этомъ дѣлѣ.

— Позвольте,— запротестовалъ я, — участвовать въ какомъ бы то ни было террористическомъ актѣ я сейчасъ не могу по той простой причинѣ, что я долженъ сначала привести въ порядокъ свои нервы послѣ только что пережитаго мною. Брать въ данное время на себя отвѣтственную роль въ террористическомъ выступленіи я не могу.

— Хорошо,—сказалъ Азефъ—объ этомъ мы поговоримъ.

Недовольный моимъ рѣшительнымъ отказомъ, Азефъ, съ густой краской на лицѣ, слегка крякнулъ, повернулся и, какъ бы жалѣя о потерянномъ времени, подалъ ожирѣвшую руку и снова прогнусавилъ:

— Хорошо. Я теперь занятъ...

На этомъ кончилась наша бесѣда. И внѣшность и поведеніе Азефа разъ навсегда опредѣлили мое отношеніе къ нему: я сразу почувствовалъ, что онъ "чужой" человѣкъ.

Многія дни и долгія осеннія ночи я раздумывалъ потомъ объ этой встрѣчѣ и сложившихся отношеніяхъ. Я страдалъ отъ мысли, что, быть можетъ, "дѣло", о которомъ говорилъ Азефъ, не терпѣло отлагательства и не допускало разсужденій. Я думалъ, что мои долгія мучительныя размышленія о террорѣ не разрѣшили мнѣ всего того, съ чѣмъ пришлось встрѣтиться въ общеніи съ людьми, что въ своемъ мнѣніи я былъ слишкомъ субъективенъ. Предо мной возникъ вопросъ о партійной дисциплинѣ; угрызеніе совѣсти предъ тѣми товарищами, которые такъ вѣрили Азефу, надламывало мою душу и склоняло къ механическому подчиненію волѣ послѣдняго. На минуту я сталъ чѣмъ-то другимъ, какой то вещью, автоматомъ, лишеннымъ всякой мысли, иниціативы и это было самое ужасное для меня, что я могъ только испытывать въ своей жизни. У меня было отнято все то, чѣмъ я долгіе годы жилъ и что такъ было дорого и свято для меня. Я снова попалъ подъ гнетъ тяжелой мысли: "Такъ жить нельзя"! Надо думать, углубляться въ отношенія людей; работать, бороться; проводить въ

жизнь то, что должно быть и что такъ необходимо. Если терроръ долженъ быть, то онъ не можетъ быть солдатчиной, онъ не есть слѣпое повиновеніе тому или другому начальству. Для меня терроръ былъ вдохновеніемъ, самодѣятельностью человѣческой души; яркимъ солнцемъ, лучи котораго будятъ, расторгаютъ хаосъ людского рабства...

Я, конечно, не зналъ тогда, какъ и всѣ товарищи, дѣйствительной роли Азефа, но съ первой же встрѣчи я инстинктивно понялъ, что ему вовсе не свято то, чему я готовъ былъ отдать свою жизнь, что для него терроръ есть ремесло и, какъ выяснилось потомъ, ремесло очень выгодное, разумѣется не для дѣла революціи.

Я уѣхалъ заграницу. Вполнѣ понятно, что эмигрантская жизнь меня не могла удовлетворить въ то время, когда такъ чувствовалась потребность въ дѣлѣ, въ работѣ. Но вернуться въ Россію это значило снова встрѣтиться съ Азефомъ и такъ или иначе сдѣлаться его слѣпымъ орудіемъ. Однако, другого выхода не было и въ концѣ концовъ жажда дѣятельности побѣдила колебанія и я пришелъ къ выводу, что мнѣ необходимо предпринять что-либо, чтобы не сидѣть безъ дѣла въ развратѣ заграничной праздности. О своемъ рѣшеніи я вскорѣ извѣстилъ Х., непосредственно сносившагося съ Ц. К. партіи соціалистовъ-революціонеровъ. Спустя нѣкоторе время я получилъ черезъ тоже лицо довольно странный отвѣтъ въ томъ смыслѣ, что въ данное время центръ не занятъ подготовкой террористическихъ актовъ, а озабоченъ исключительно организаціей пропагандистской работы, а слѣдовательно и вербовкой лицъ, годныхъ на это дѣло.

Былъ ли это отвѣтъ Ц. К., какъ коллектива, или это былъ отвѣтъ за Ц. К. одного Азефа, того самаго Азефа, который такъ безпардонно лгалъ своему "начальству" слѣва и который такъ часто притворялся усталымъ, когда чувствовалъ изсякшимъ источникъ боевыхъ силъ и который снова брался за предательство, когда видѣлъ предъ собой десятки новыхъ борцовъ, готовыхъ отдать свою жизнь за права угнетеннаго народа? Такъ или иначе, полученный мною отвѣтъ не находилъ себѣ достаточно объясненія съ логической стороны, такъ какъ тогда переживался моментъ, которыхъ заставлялъ многихъ чувствовать необходимость террора въ Россіи, причемъ между партійными товарищами заграницей шли усиленные толки на эту тему, слышались протесты, дѣлались кой-какія приготовленія. Впрочемъ, быть можетъ Х. зналъ о существованіи провокаціи въ центрѣ партіи и хотѣлъ лишь меня отговорить отъ моихъ намѣреній, ссылаясь на вербовку пропагандистовъ, но развѣ послѣдніе не могли пострадать отъ той же провокаціи? Было ясно, что здѣсь скрывалось нѣчто другое и это "нѣчто" явилось скоро, какъ отвѣтъ на столь жгучій для меня вопросъ. Оказалось, что Азефъ, недовольный моимъ отказомъ исполнить его требованіе, сталъ преслѣдовать меня и заграницей, нажаловавшись на меня какъ членамъ Ц. К., такъ и близкимъ людямъ къ послѣднему за мое "ослушаніе", причемъ, не зная подробностей обстановки совершеннаго мною акта, сталъ инсинуировать, говоря, что я умѣю стрѣлять только изъ-за куста. Въ существованіи завѣдомо-лживыхъ намековъ со стороны Азефа я убѣдился еще и тогда, когда сталъ получать упреки въ томъ же родѣ со стороны тѣхъ, кто

поддерживалъ нападки предателя. Послѣ этого мнѣ стало казаться, что отношеніе ко мнѣ Азефа и тѣхъ, для кого авторитетъ его былъ непререкаемъ, создаютъ такую атмосферу, въ которой какая-либо дѣятельность моя въ партійныхъ рамкахъ, будетъ невозможной. Это былъ самый сильный моральный ударъ для меня, который я едва перенесъ и отъ котораго я окончательно оправился только тогда, когда истинная роль Азефа раскрылась и мое предубѣжденіе противъ него, основанное на отрицаніи въ немъ души террориста, вполнѣ подтвердилось.

Глава III.

ОПЯТЬ ПРОВОКАТОРЪ.

(Моя встрѣча съ Батушанскимъ).

Въ маѣ 1907 года предполагалась поѣздка въ Россію нѣсколькихъ лицъ, имѣвшихъ революціонныя цѣли; я былъ въ этомъ числѣ. Изъ предполагавшихся моихъ спутниковъ я зналъ только двухъ, которымъ безусловно довѣрялъ; я даже предварительно навелъ справки о ихъ политической благонадежности у В. Л. Бурцева. Мнѣ извѣстно было приблизительно, отъ тѣхъ же товарищей, кто еще отправляется съ нами; все это были лица, въ честности которыхъ, насколько я зналъ, нечего было сомнѣваться. За два-три дня до моего отъѣзда одинъ изъ товарищей лично меня извѣстилъ, что я долженъ немедленно пойти въ такой то часъ на бульваръ Сенъ-Мишель, гдѣ противъ кафэ "Даркуръ" меня встрѣтитъ

"Баритъ". Имя это мнѣ не было знакомо раньше, но при наружномъ описаніи "Барита" я сталъ вспоминать, что такого человѣка я дѣйствительно видѣлъ на различнаго рода собраніяхъ и даже встрѣчалъ въ тѣсномъ кругу лицъ, изучавшихъ военную стратегію. Этотъ "Баритъ" часто мнѣ мозолилъ глаза всюду и вездѣ и я смотрѣлъ на него какъ на шалопая, присосавшагося по какимъ то темнымъ причинамъ къ революціонерамъ.

Въ условленный часъ и на указанномъ мѣстѣ, я дѣйствительно встрѣтилъ "Барита", который пригласилъ меня въ кафэ "Даркуръ"; во время послѣдовавшаго затѣмъ разговора мой собесѣдникъ сталъ осторожно подходить къ вопросу о поѣздкѣ; замѣтно было, что онъ лукавитъ; я слушалъ его и думалъ: "Неужели этотъ шалопай способенъ что либо искренне сдѣлать для революціи"? "Баритъ", вѣроятно, замѣтилъ мое скептическое отношеніе и, рѣшивъ дѣйствовать напрямикъ, задалъ вопросъ: "Значитъ ѣдете?" Очевидно, — отвѣтилъ я. "Баритъ" назвалъ мнѣ имена спутниковъ и сказалъ, что онъ такъ же участникъ этой компаніи, но ѣдетъ раньше другихъ, чтобы приготовить квартиры. Разговоръ кончился. Ссылаясь на ограниченность времени, я ушелъ и больше съ этимъ господиномъ нигдѣ не встрѣчался. Встревоженный, я побѣжалъ справиться о личности "Барита" къ товарищу, устроившему мнѣ свиданіе съ нимъ; тотъ мнѣ заявилъ, что онъ этого человѣка хорошо знаетъ и считаетъ его вполнѣ своимъ. Скрѣпя сердце я согласился съ товарищемъ, что мои опасенія необоснованы, но въ душѣ моей осталась непріязнь къ "Бариту".

Черезъ нѣсколько дней я сидѣлъ въ поѣздѣ, съ кото-

рымъ я долженъ былъ выѣхать изъ Парижа и, глядя въ окно вагона, всматривался въ проходившую публику съ цѣлью замѣтить, нѣтъ-ли нежелательныхъ провожатыхъ. Въ это время мимо вагона прошли двое, въ одномъ изъ которыхъ я узналъ товарища. Вслѣдъ за ними юркнули два "типа", по внѣшности которыхъ не трудно было догадаться о ихъ профессіи. Я понялъ въ чемъ дѣло. Пріѣхавъ въ Берлинъ, я сообщилъ о томъ, что замѣтилъ и выразилъ свои опасенія за благополучіе нашей поѣздки. Я заявилъ опредѣленно, что, по моему мнѣнію, за нами ведется слѣжка и надо быть осторожнѣе. Товарищъ не придалъ моимъ словамъ никакого значенія, объясняя все моей шпикоманіей.

На слѣдующій день товарищъ меня извѣстилъ, что остальные уже уѣхали, а въ томъ числѣ и "Баритъ"; послѣдній, какъ потомъ выяснилось, также былъ освѣдомленъ о моемъ личномъ планѣ. Я наотрѣзъ отказался ѣхать вдвоемъ черезъ границу, такъ какъ допускалъ, что шпичье вертится около насъ, зная наши замыслы и ожидая только нашего появленія на границѣ; я понималъ также, что въ случаѣ попытки задержать меня, мнѣ ничего не останется дѣлать, какъ открыть пальбу по жандармамъ и тѣмъ самымъ принести вредъ своему спутнику. Оставшись одинъ, я сталъ обдумывать, какъ укрыться отъ преслѣдованія шпиковъ. Въ первый же день я убѣдился, что за мной тоже ведется наблюденіе. Въ ресторанѣ гостинницы, въ которой я жилъ, появился субъектъ, который сталъ пользоваться всякимъ случаемъ, чтобы завести со мною разговоръ. Нахальство сего субъекта дошло до того, что онъ представился мнѣ народнымъ учителемъ и сталъ разсказывать о Женевѣ, гдѣ

такъ плохи доктора, (на его вопросъ куда я ѣду, я отвѣтилъ, что ѣду въ Женеву лечиться отъ чахотки, предполагая, что, узнавъ о такой заразной болѣзни, онъ оставитъ меня въ покоѣ). Не смотря на мое молчаніе, "учитель" не унимался и сталъ распространяться о Россіи съ ея освободительнымъ движеніемъ, и о томъ, что онъ собирается на родину. А гдѣ Вы живете?—неожиданно спросилъ я его. "Учитель" смутился и скороговоркой отвѣтилъ, что онъ занимаетъ комнату въ той-же гостинницѣ, гдѣ живу и я. Для меня никакихъ сомнѣній не было, что мой навязчивый знакомый никогда народнымъ учителемъ не былъ; объ этомъ свидѣтельствовало уже то, что на пальцахъ его рукъ было столько золотыхъ бездѣлушекъ, несомнѣнно дорогихъ, которыми наши народные учителя обыкновенно не украшаются. По всему видно было, что ко мнѣ привязался шпіонъ. Чтобы убѣдиться въ моихъ предположеніяхъ я далъ швейцару, говорившему по русски, на чай и спросилъ, давно-ли поселился здѣсь "учитель"? Швейцаръ съ легкой улыбкой сказалъ, что этотъ господинъ вовсе не живетъ здѣсь; что онъ появился за два дня до моего пріѣзда и что вообще онъ періодически появляется въ гостинницѣ; къ этому швейцаръ прибавилъ, что этого человѣка надо опасаться, если я думаю ѣхать въ Россію, такъ какъ онъ что то очень часто переговаривается изъ телефонной будки. Этого для меня было вполнѣ достаточно, чтобы убѣдиться, что "учитель" никто иной, какъ сыщикъ, и не простой, а хорошо освѣдомленный. Вечеромъ тогоже дня я былъ на желѣзнодорожномъ вокзалѣ; тамъ въ одномъ изъ угловъ я замѣтилъ того же "учителя", недалеко отъ котораго стояла женщина и субъектъ, которые

при видѣ меня радостно всполошились. Ѣхать, конечно, было невозможно. Я взялъ билетъ, прошелъ нѣсколько вагоновъ поѣзда, ѣдущаго въ Александорово, чтобы отвлечь вниманіе сыщиковъ и не быть арестованнымъ въ томъ же Берлинѣ, а затѣмъ беребѣжалъ на площадку поѣзда, отходившаго въ Парижъ.

Мое неожиданное возвращеніе подняло "бурю". Прежде всего на меня напалъ г. Z., бывшій тогда ближайшимъ сотрудникомъ Бурцева; онъ началъ меня допрашивать, почему именно я не поѣхалъ; моимъ объясненіямъ причинъ г. Z. не повѣрилъ, стараясь все истолковать иначе; онъ даже сталъ чрезмѣру горячиться, говоря, что такъ поступать нехорошо и что самъ Бурцевъ, въ лицѣ его, г. Z., выноситъ мнѣ свое порицаніе. Въ концѣ концовъ г. Z. началъ упрекать меня въ растратѣ средствъ при поѣздкѣ. Я не вытерпѣлъ и заявилъ, что мнѣ нѣтъ никакого дѣла до негодованія, какъ его, такъ и Бурцева и что вопросъ не въ потерѣ денегъ, а въ томъ, что при условіяхъ, сопровождавшихъ поѣздку, я могъ только въ 24 часа повиснуть, не принеся ровно никакой пользы дѣлу. Послѣ настойчивыхъ требованій со стороны г. Z. ѣхать въ Россію во что бы то ни стало, я отказался отъ всякихъ объясненій съ нимъ, такъ какъ у меня зародилось сомнѣніе относительно г. Z. и роли самаго Бурцева, являвшагося побочнымъ иниціаторомъ поѣздки. Я видѣлъ, что происходитъ какая то игра съ человѣческими жизнями, что кому то нужны не практическіе результаты, а "дѣйствіе", хотя бы очертя голову. Изъ полученнаго урока я вывелъ то заключеніе, что никакихъ сношеній съ заграничными и вообще неизвѣстными мнѣ лично людьми, вродѣ "Барита", имѣть

нельзя и если довѣряться, то лишь тамъ, гдѣ все чисто и ясно, или же только самому себѣ. Удрученный всей этой исторіей, я уѣхалъ изъ Парижа.

Спустя нѣкоторое время я узналъ, что "отрядъ" провалился. Мои опасенія оправдались. Провалъ чувствовался и онъ совершился, и значительная вина въ этомъ лежитъ на тѣхъ, кто организовалъ дѣло, вербуя людей, безъ достаточнаго разбора, безъ общаго на то согласія всѣхъ безъ исключенія участниковъ предпріятія.

Но гдѣ же предатель? Гдѣ этотъ получатель охранныхъ серебренниковъ? Онъ долженъ быть выясненъ, его нужно найти!

Этимъ вопросомъ занялся ближайшій освѣдомитель поѣздки—Бурцевъ, послѣ того, какъ къ нему явился сыщикъ Леруа и опредѣленно заявилъ, что въ нашей компаніи былъ провокаторъ; онъ далъ при этомъ и примѣты шпіона и другія уличавшія его подробности. Знаменитый Шерлокъ Холмсъ русской революціи приступилъ къ "тщательному" разслѣдованію. Съ результатами его "изысканій" мы познакомися въ слѣдующей главѣ.

Глава IV.

Я ТРЕБУЮ СУДА НАДЪ БУРЦЕВЫМЪ.

I.

Въ Январѣ 1910 года Аргентинское правительство хватало на всѣхъ перекресткахъ русскихъ эмигрантовъ и бросало всѣхъ мало-мальски подозрительныхъ въ тюрьму. Этимъ оно хотѣло сорвать свою злобу за убійство въ Буэносъ-Айресѣ полицеймейстера. Не миновалъ тюрьмы и я — меня тоже арестовали и посадили, хотя я рѣшительно никакого отношенія не имѣлъ къ этому событію. Не зная, что меня ждетъ, и опасаясь, что русское правительство воспользуется случаемъ, чтобы отомстить мнѣ, я сталъ просить въ письмахъ людей, бывшихъ на волѣ, чтобы посовѣтовали, что дѣлать. Каково же было мое удивленіе, когда на всѣ мои вопросы я не получилъ ни одного отвѣта. Я не зналъ, чѣмъ объяснить молчаніе друзей. Лишенный помощи извнѣ, я рѣшилъ дѣйствовать самостоятельно, и написалъ заявленіе комиссару, требуя объясненія моего ареста и немедленнаго освобожденія изъ тюрьмы. Послѣ провѣрки моихъ доказательствъ полной непричастности я, ровно черезъ 16 дней, былъ выпущенъ на свободу. Первымъ моимъ дѣломъ былъ визитъ къ тѣмъ, кому я писалъ, чтобы выяснить причину ихъ молчанія и здѣсь я получилъ ключъ къ разгадкѣ мучившихъ меня въ тюрьмѣ вопросовъ. Оказалось, что среди знакомыхъ и не знакомыхъ

мнѣ людей разнесся слухъ, что я, будто-бы, провокаторъ, причемъ со стороны нѣкоторыхъ лицъ было даже заявлено настойчивое требованіе не дѣлать никакихъ попытокъ къ освобожденію меня изъ тюрьмы, когда иные, не повѣрившіе этимъ слухамъ, захотѣли мнѣ помочь. Какъ на распространителя этихъ ложныхъ обвиненій мнѣ указали на С-ва. Изъ личнаго объясненія съ послѣднимъ я узналъ, что основаніемъ для распространенныхъ имъ слуховъ послужило письмо, полученное г. С-ымъ отъ нѣкого г. Ч., сдѣлавшаго это предупрежденіе по порученію одного, "компетентнаго" лица, который обвинялъ меня въ сношеніяхъ съ охраной. Я потребовалъ отъ г. С-ва, чтобы онъ прочиталъ мнѣ письмо и назвалъ мнѣ это "компетентное лицо", но С-въ отказался удовлетворить это требованіе. На мой вопросъ: не играетъ ли здѣсь какую-либо роль В. Бурцевъ,—онъ отозвался незнаніемъ, но добавилъ: "очевидно".

— Какъ Вы смотрите на подобнаго рода заявленіе? —спросилъ я его.

— "Дѣло подлежитъ обѣливанію, какъ упоминается въ письмѣ, до его формальнаго объявленія".

Моя мысль невольно обратилась къ Бурцеву, виновнику моего несчастія. Неужели, думалъ я, всѣ открытія въ области провокаціи велись точно такимъ путемъ? Какое могло быть наличіе доказательствъ? Наконецъ, пусть В. Бурцевъ имѣетъ сотни доказательствъ изъ охраны; пусть будетъ такъ, какъ хочетъ этого правительство, но я заявлю обществу своей смертью, что В. Бурцевъ есть ничто иное, какъ орудіе въ рукахъ полиціи. Таково было мое заключеніе и другимъ оно не могло быть, ибо я зналъ, что никогда въ своей жизни

не былъ и не могъ быть провокаторомъ. Предо мной съ самыхъ юныхъ лѣтъ стояла самая свѣтлая, чистая и непримиримая борьба противъ угнетателей, и вдругъ мой идеалъ, впитавшійся въ мою кровь, облитъ грязью изъ-за простой шалости мысли тѣхъ, кто не привыкъ серьезно относиться къ чести другихъ.

Дальше идти некуда! Нѣтъ другого исхода, какъ уйти навсегда отъ этой грязи, уйти отъ жизни, которой она переполнена...

Но что моя смерть,—развѣ она спасетъ другихъ? Тов. Лапина, отдавшая свою жизнь, развѣ научила тѣхъ, кто берется судить другихъ, быть осторожнѣе?

Я рѣшилъ дѣйствовать иначе. Оправдываться мнѣ было не въ чемъ. Тотъ, кто своими легкомысленными дѣйствіями сводитъ въ могилу безупречныхъ людей, долженъ быть наказанъ! Я рѣшилъ, что мнѣ долженъ былъ своей жизнью заплатить тотъ, кто искалъ моей моральной смерти и что я съумѣю затѣмъ, на судѣ, очистить свое имя отъ брошенной въ него грязи. Вопросъ былъ только въ томъ, чтобы съ полной несомнѣнностью установить первоисточникъ возведенной на меня клеветы. Я немедленно написалъ заявленіе въ Ц. К. Партіи соц.-революціонеровъ, въ которомъ указалъ на распространителя позорныхъ слуховъ и просилъ, выяснивъ суть дѣла, привлечь виновныхъ къ отвѣтственности. Дальность разстоянія не позволяла, однако, ожидать скораго разъяснительнаго отвѣта. Оставаться же въ странѣ при томъ фальшивомъ положеніи, въ которомъ я очутился въ товарищеской средѣ, было положительно невозможно. Кромѣ того, тайна моего пребыванія стала раскрываться и я могъ ожидать со дня на день новаго ареста. Законспи-

рировавшись отъ друзей и враговъ на нѣкоторое время въ положеніе бродяги, я захотѣлъ все же успокоить мѣстную публику и, по моему настоянію, была собрана для разсмотрѣнія моего дѣла комиссія изъ членовъ мѣстной соц.-дем. группы. Послѣдняя, впрочемъ, оказалась настолько загипнотизированной престижемъ Бурцева, что, не имѣя даже единственной вещественной "улики"—письма, полученнаго С., начала свое разслѣдованіе съ того, что предъявила мнѣ нелѣпѣйшія обвиненія, вродѣ того, что я самозванецъ и что я не былъ морякомъ, такъ какъ не знаю названія судовыхъ частей и т. д. и т. д... Послѣднему факту было придано особое значеніе и, надо отдать долю "справедливости" комиссіи, она была права: хотя я и былъ на морской службѣ, но названія частей судна, да еще военнаго, я не зналъ, да и не могъ знать, ибо никогда на суднѣ не былъ, о чемъ заявляло и само русское правительство устами "Новаго Времени".

Еще большее впечатлѣніе произвело на комиссію открытіе, сдѣланное однимъ изъ присутствовавшихъ, который заявилъ съ апломбомъ, что онъ де лично знаетъ Акимова, служившаго подъ кличкой "Акима" писаремъ въ Н. учрежденіи и что это лицо никакого сходства со мной не имѣетъ. Это, конечно, была сущая ложь, такъ какъ никогда я писаремъ не былъ и ни въ какомъ Н. учрежденіи не служилъ, въ чемъ можно было удостовѣриться по тѣмъ же оффиціальнымъ свѣдѣніямъ "Новаго Времени" (№ 10890 отъ 9-го (22) Іюля 1906 года). Чтобы "поймать" меня въ комиссіи, мнѣ предъявили портретъ адмирала Скрыдлова, говоря, что это Чухнинъ. Въ то же время никакихъ опредѣленныхъ

обвиненій мнѣ не предъявляли. Я былъ крайне возмущенъ этими издѣвательствами; я чувствовалъ безполезность всякой защиты предъ комиссіей, которая дѣйствовала съ такой предвзятостью, съ такимъ явнымъ пристрастіемъ въ сторону обвиненія. Надо мной издѣвались кто только могъ и сколько могъ, вплоть до фотографированія. Съ неимовѣрнымъ усиліемъ переносилъ я нравственныя пытки, стараясь узнать, что именно послужило основаніемъ для дикихъ подозрѣній и откуда они вышли. Мнѣ это не удалось. Положеніе вскорѣ еще болѣе осложнилось. Шпичье стало меня преслѣдовать на каждомъ шагу, бѣгая изъ квартала въ кварталъ, и я чувствовалъ, что уйти отъ предательскихъ рукъ мнѣ будетъ трудно и не сегодня-завтра я снова буду схваченъ, но уже не случайно, какъ это было раньше, а согласно опредѣленнымъ требованіямъ русскаго правительства, жаждавшаго моей крови. Нужно было спѣшить съ предохранительными мѣрами. Къ моей великой радости я получилъ помощь отъ вѣрившаго мнѣ человѣка. Въ то же время я былъ приглашенъ на засѣданіе комиссіи для присутствія при вскрытіи полученнаго изъ Парижа письма, на мое имя, въ которомъ "судьи", очевидно, предполагали найти гору "обвиненій", какъ матеріалъ для новыхъ издѣвательствъ. Я сказалъ приглашавшему, что на собраніи быть не могу, такъ какъ вечеромъ долженъ выѣхать. Въ тотъ же день я написалъ комиссіи письмо, въ которомъ сообщилъ, что считаю данную комиссію не компетентной въ разборѣ подобныхъ дѣлъ, а нахожу нужнымъ выяснить вопросъ обо мнѣ въ средѣ товарищей соціалистовъ - революціонеровъ. Слѣдующей ночью я былъ уже на волнахъ океана. И въ то время,

когда я радовался, что благополучно избѣжалъ рукъ русскаго правительства,—мои обвинители негодовали на меня за "убѣгъ" отъ "правосудія"!

II.

Я въ Парижѣ. Купилъ за послѣднія су "Парижскій Листокъ", чтобы найти нужныя мнѣ адреса, прочелъ газету и по мнѣ пробѣжала легкая дрожь отъ охватившей меня досады и тоски. Я узналъ, что Бурцева нѣтъ въ Парижѣ; онъ пожинаетъ лавры среди американской публики и снова "открываетъ преступленія правительства". Я отправился на квартиру Бурцева, чтобы навести справки о его возвращеніи; здѣсь я встрѣтился съ товарищемъ Л., которому и заявилъ о цѣли моего появленія; послѣдній сообщилъ, что дѣло мое-де выяснено и что примѣты неизвѣстнаго шпіона, описанныя агентомъ Леруа и, по недоразумѣнію, приписанныя Бурцевымъ мнѣ, на самомъ дѣлѣ оказались относящимися къ провокатору Батушанскому, на предательство котораго были получены указанія изъ вполнѣ компетентнаго источника (то былъ Л. Меньщиковъ). Такимъ образомъ мои предположенія "объ игрѣ" со стороны охраны—рушились. Оставалось только выяснить—давалъ ли Бурцевъ какія либо письменныя или на словахъ порученія предупредить о моей якобы провокаторской дѣятельности и если давалъ, то чѣмъ онъ при этомъ руководствовался и какое онъ имѣлъ право, не располагая фактическими доказательствами, оглашать свои личныя заключенія, доводить ихъ до свѣдѣнія общества, въ то время, когда ему извѣстно, что это общество принимаетъ на вѣру

всякую околесицу съ его стороны, въ силу того, что благодаря всякаго рода бывшимъ охранникамъ онъ возымѣлъ престижъ, при которомъ люди перестали отличать бѣлое отъ чернаго. Я думалъ также, а что было бы, если бы указанія Меньщикова не вскрыли "недоразумѣнія" и Бурцевъ, опираясь на такого свидѣтеля, какъ Леруа, которому все равно, врать или не врать, лишь бы деньги платили—продолжалъ бы меня обвинять? Публика, конечно, повѣрила бы клеветнику, а не мнѣ и роковой исходъ былъ бы неизбѣженъ—я выполнилъ бы то, что рѣшилъ сдѣлать...

Но вотъ Бурцевъ вернулся. Въ первой же бесѣдѣ онъ, разсыпавшись мелкимъ бѣсомъ, сталъ подробно разсказывать объ исторіи съ Батушанскимъ, совершенно не касаясь того, какъ онъ, прежде чѣмъ сдѣлать это готовое открытіе, посадилъ гласно на скамью подсудимыхъ меня, только на основаніи произвольнаго сличенія "примѣтъ", данныхъ продажнымъ сыщикомъ. Когда я указалъ Бурцеву, какъ на несомнѣнный фактъ, на существованіе клеветы и на него, какъ на источника этихъ ложныхъ обвиненій, то онъ заявилъ, что онъ де знать не знаетъ и вѣдать не вѣдаетъ какимъ это все образомъ могло случиться. Я принялъ слова Бурцева на вѣру, но сталъ все же искать виновнаго, найти котораго во что бы то ни стало я долженъ былъ. Мои старанія отыскать первоисточникъ возведенной на меня клеветы, снова привели къ Бурцеву. На этотъ разъ я обратился къ Бурцеву за разъясненіями не на основаніи чьихъ-либо голословныхъ заявленій, а опираясь на документальныя данныя. Не указывая послѣднихъ, я вновь заявилъ Бурцеву, что считаю его прямымъ источ-

никомъ клеветы; на это онъ отвѣтилъ мнѣ тѣмъ же притворнымъ ничего незнаніемъ. Послѣ этого я понялъ, что Бурцевъ сознательно скрываетъ свою ошибку, не желая признать ее, что требовалось не только ради моихъ личныхъ интересовъ, но и ради справедливости вообще. Другого вывода я не могъ сдѣлать въ виду имѣвшихся у меня данныхъ.

Вотъ документъ, о которомъ я упоминалъ—письмо, явившееся отвѣтомъ на цѣлый рядъ моихъ вопросныхъ пунктовъ.

"20 февр. 1910 г. Парижъ.

Уважаемый товарищъ!

...Товарищамъ Х. и У.*) я заявилъ, что ничего подобнаго я С-у не писалъ. Это я заявляю и Вамъ. Я высказалъ предположеніе, что выше приведеннные цитаты взяты изъ какого либо другого письма и приписываются мнѣ по какому то недоразумѣнію. Кромѣ того, названнымъ товарищамъ (Х. и У.) я объяснилъ: "**Не помню** писалъ ли я вообще т. С-у о А., мнѣ кажется, что писемъ я ему не писалъ, но дѣйствительно съ уѣхавшимъ отсюда лѣтомъ истекшаго 1909 года товарищемъ О. **я на словахъ** передалъ С-у **просьбу Бурцева** присмотрѣть за А., немедленно дать сюда знать, если онъ соберется ѣхать въ Европу и вообще быть съ нимъ осторожнѣе. На вопросъ О. въ чемъ дѣло? Я пояснилъ, что **Бурцевъ, давая мнѣ это порученіе, сообщилъ мнѣ, что къ нему поступили сообщенія о лицѣ** (съ описаніемъ примѣтъ имени А.), которое, отправившись въ

*) Фамиліи мною замѣнены иниціалами.

компаніи въ маѣ 1907 г. въ Россію, по дорогѣ до границы все время сносилось съ полицейскими агентами, что и привело къ провалу всего отряда.

Зимой истекшаго года я получилъ отъ т. О. изъ А. письмо, въ которомъ онъ мнѣ писалъ, между прочимъ:

На счетъ А. — это ты напрасно. С. Р. W. и Z. взяли очень бѣдствовавшаго здѣсь А. съ собой въ глубь страны заниматься земледѣліемъ, въ Европу онъ не собирается".

Это письмо я сейчасъ же прочемъ секретарю Парижской группы с.-р.*), т. V., и довелъ до свѣдѣнія В. Л. Бурцева. Нынѣ же, разсказавъ (?) обо всемъ этомъ т. Х., я вновь справился о дѣлѣ А. въ редакціи "Былого", и тамъ мнѣ т. Л. объяснилъ, что всѣ свѣдѣнія относительно сношеній съ полиціей, которыя лѣтомъ приписывались А., касаются членамъ того же отряда мах'овъ Барита. Надъ Баритомъ былъ наряженъ междупартійный судъ, печатное постановленіе коего, лишь на-дняхъ выпущенное, я Вамъ и посылаю. Такимъ образомъ Ваше имя А. **оказывается** вполнѣ реабилитированнымъ, и репутація Ваша, какъ члена того отряда, который въ маѣ 1907 года ѣхалъ отсюда въ Россію, вполнѣ безупречна въ политическомъ отношеніи. И мы всѣ здѣсь относимся къ Вамъ съ полнымъ довѣріемъ, какъ къ вполнѣ уважаемому въ политическомъ отношеніи товарищу. Вотъ, что я отвѣтилъ на разспросы о Васъ тов. Х.

Съ товарищескимъ привѣтомъ,

Членъ комитета Парижской Группы С.-Р.

(слѣдуетъ подпись).

---

*) Лѣвыхъ. — Прим. автора.

"P. S. Чтобы это мое письмо Вы могли употреблять, какъ вполнѣ оффиціальный документъ, я подпись свою свидѣтельствую скрѣпой секретаря нашей группы и приложеніемъ печати.

(Печать Парижской Группы с.-Р.).

Секретарь Парижской Группы С.-Р.

(Подпись).

Комментаріи къ этому документу почти излишни. Бурцевъ въ теченіи полутора года сѣялъ смуту своими нелѣпыми догадками, и послѣ этого у него хватило совѣсти прикрываться незнаніемъ. Онъ, видите-ли, чистъ, какъ херувимъ, и кто осмѣлится поднимать вопросъ о его промахахъ? Такъ, или иначе, но Бурцевъ понялъ, что скрывать свою ошибку болѣе невозможно, и сталъ меня успокаиваетъ, увѣряя, что онъ-де слухи эти прекратитъ, что мнѣ вовсе незачѣмъ много безпокоиться, и что, если я буду много распространяться по этому поводу, то я могу этимъ повредить себѣ съ моимъ прошлымъ и дѣлу революціи вообще. Какая профанація! Революція должна отвѣчать за грѣхи Бурцева. Какое убожество мысли! Какая дикость! Не въ моихъ, будто-бы, интересахъ покончить съ клеветою такъ же публично, какъ она была пущена въ оборотъ. Г. Бурцевъ, оказывается, озабоченъ моимъ "прошлымъ". Но почему онъ не думалъ объ этомъ прошломъ, когда требовалъ, чтобы за мной слѣдили, чтобы со мной были осторожнѣе, когда онъ, не задумавшись, бросилъ въ меня тягчайшее для революціонера обвиненіе?

Этихъ издѣвательствъ, въ стараніи скрыть свою вину, было мало для Бурцева, и, чтобы очиститься отъ нея,

онъ ухватывается за пресловутую телеграмму, появившуюся въ "Русскомъ Словѣ", о моемъ фиктивномъ арестѣ въ Россіи, и выступаетъ съ требованіемъ исправленія судебной ошибки, заявляя, что онъ де знаетъ настоящаго Акимова, который находится теперь за границей, и который готовъ своими показаніями доказать, что въ Россіи арестованъ человѣкъ неповинный.

Когда я снова поднялъ вопросъ о продолжавшихъ циркулировать слухахъ, Бурцевъ заявилъ, что онъ уже все сдѣлалъ къ ихъ прекращенію вышеуказаннымъ заявленіемъ, появившимся, какъ въ легальныхъ газетахъ, такъ и въ партійномъ органѣ соц.-революціонеровъ. Здѣсь необходимо отмѣтить, что еще задолго до этого выступленія, я просилъ Бурцева написать формальное заявленіе въ Аргентину, съ указаніемъ на произшедшую ошибку и потребовать всѣ бумаги, относящіяся къ разбору тамъ мего дѣла. Спустя много времени я справился у Бурцева, не получилъ ли онъ нужные документы, и онъ мнѣ отвѣтилъ, что бумаги всѣ получилъ, и что всякіе дурные слухи обо мнѣ въ Аргентинѣ теперь прекращены, такъ какъ никакихъ больше запросовъ по этому вопросу къ нему оттуда не поступаетъ, изъ чего можно заключить, что вопросъ де исчерпанъ. Я вынужденъ былъ временно удовлетвориться подобнымъ заявленіемъ, но, чтобы убѣдиться въ справедливости сказаннаго Бурцевымъ, я попросилъ его выдать мнѣ всѣ бумаги или копіи съ послѣднихъ. Онъ мнѣ въ этомъ отказалъ, перейдя къ совершенно другому вопросу. Я видѣлъ, что Бурцевъ и въ данномъ случаѣ былъ неправъ. Это черезъ нѣкоторое время и подтвердилось, — такъ, было получено письмо, въ которомъ извѣщалось, что я былъ объявленъ въ одномъ изъ аргентинскихъ журна-

ловъ провокаторомъ съ приложеніемъ моей фотографіи, и сообщалась просьба помѣстить объ этомъ и въ журналѣ "Былое". И, не будь истина вскрыта ранѣе, г. Бурцевъ не отказался бы использовать и этотъ "матеріалъ", такъ какъ онъ "пропечатываетъ" часто не задумываясь и хотя любитъ ссылаться на революціонную этику и дисциплину, но самъ ихъ часто нарушаетъ. Онъ, наприм., объявилъ у себя въ газетѣ Симона Вейсмана шпіономъ, а потомъ сталъ помогать ему опровергнуть это. Еще примѣръ: центральный комитетъ партіи соціалистовъ-революціонеровъ постановилъ Михаила Дѣева за содѣйствіе провокаторшѣ Татьянѣ Цейтлинъ исключить изъ партіи и предостеречь товарищей отъ сношеній съ нимъ, а г. Бурцевъ далъ мнѣ къ нему рекомендацію, поясняя: "Дѣевъ былъ пропечатанъ въ "Зн. Труда", но я лично не согласенъ съ этимъ, и совѣтую Вамъ не обращать вниманія на это"... Кто же правъ— г. Бурцевъ, или партія? Съ чьимъ авторитетомъ слѣдуетъ считаться? Да и кто далъ право Бурцеву единолично "судить и вязать"? На основаніи чего онъ изображаетъ изъ себя какого то верховнаго судью въ революціи? Почему всѣ его ошибки и злоупотребленія прикрываются молчаніемъ, не находятъ критики, не встрѣчаютъ протеста? Что касается партіи соціалистовъ-революціонеровъ, то она, послѣ исторіи съ Азефомъ, была настолько запугана Бурцевымъ, что когда я обратился къ ея заграничной делегаціи съ просьбой привлечь Бурцева къ партійному суду, то мнѣ отвѣтили, что теперь, когда онъ пожалъ такіе лавры, тягаться съ нимъ нѣтъ силъ, съ нимъ "ничего не подѣлаешь" и потому де не слѣдуетъ поднимать изъ-за этого дѣла. Это у партіи нѣтъ силъ?! Оказывается, что г. Бурцевъ съ

сыщикомъ Леруа сильнѣе партіи, предъ которой, бывало, тряслось правительство! Или партія оказалась слабой потому, что рѣчь шла объ интересахъ рядового работника, да еще такого, который не принимаетъ позы, угодной для тѣхъ, кто еще не освободился отъ пережитковъ азефскаго режима?

Я рѣшилъ добиваться справедливости личными усиліями и снова потребовалъ объясненій отъ Бурцева. Послѣдній, послѣ долгаго молчанія, отвѣтилъ мнѣ письмомъ, которое настолько интересно, что я приведу его здѣсь, конечно, съ соотвѣтствующими поясненіями:

"Я Вамъ не отвѣчалъ потому, что ждалъ, что кто-нибудь придетъ отъ Васъ и я сумѣю убѣдить его, какъ вѣрнѣе поставить дѣло"...

О какой это вѣрной постановкѣ толкуетъ г. Бурцевъ, когда единственнымъ исходомъ изъ создавшагося положенія было прямое, честное, публичное заявленіе съ его стороны о томъ, что онъ сдѣлалъ ошибку?

"Я болѣю, что за Вашей спиной стоитъ какой-нибудь совѣтчикъ, цѣли котораго иныя, чѣмъ у Васъ.

Кстати, дѣло стоитъ не такъ серьезно, какъ Вы хотѣли видѣть"...

Г. Бурцевъ болѣетъ за моихъ совѣтчиковъ, и совсѣмъ не подозрѣваетъ, что человѣкъ, дорожащій своей честью, можетъ самъ встать на ея защиту. Я съ своей стороны болѣю за г. Бурцева, у котораго нѣтъ такихъ друзей, которые посовѣтовали бы ему оставить свою привычку, перешедшую въ озорство, безцеремонно обращаться съ добрымъ именемъ товарищей, и рекомендовали бы ему относиться болѣе внимательно къ каждому такому дѣлу. Для г. Бурцева, кажется, что "дѣло не

стоитъ такъ с е р ь е з н о"; но если бы онъ зналъ, съ какими намѣреніями я выѣхалъ изъ Аргентины, если бы онъ способенъ былъ понять страданія, которыя онъ причинилъ мнѣ, то онъ согласился бы, что дѣло обстояло "серьезно" не только для меня, но и для него.

Я признаюсь г. Бурцеву, — у меня были совѣтчики и такіе, которыхъ не хватаетъ ему. Одинъ изъ нихъ — моя совѣсть, не позволяющая мнѣ мириться съ ложью; а другой — гордость революціонера, требующая охраненія собственнаго достоинства даже и въ томъ случаѣ, если на него покушаются генералы отъ революціи. И этимъ совѣтчикамъ я больше вѣрю, чѣмъ фальшивымъ соболѣзнованіямъ г. Бурцева.

"Рѣзко ставятъ вопросъ въ Аргентинѣ, — но ставятъ, мнѣ кажется, такъ нелѣпо, что, при желаніи, мы разобьемъ ихъ предположенія очень скоро".

Нелѣпо вопросъ былъ поставленъ не только въ Аргентинѣ, но и ранѣе того — во Франціи, на бульварѣ Сентъ-Жакъ; г. Бурцевъ готовъ "разбивать" тѣхъ, которые подхватили пѣсню, затянутую имъ же: "Захочу — полюблю, захочу — погублю!"

"Что касается до того, что былъ поставленъ вопросъ о провѣркѣ Вашей личности вслѣдъ за берлинской поѣздкой — то на это у насъ есть право по отношенію ко всѣмъ безъ исключенія, кто только захотѣлъ разъ побывать въ рядахъ революціонеровъ. Безъ этого права — пропала возможность рев люціонной борьбы. Во время дѣла Азефа, меня съ этой точки зрѣнія тоже разсматривали.

Особенно это естественно, когда обстоятельства складываются неблагопріятно для кого-нибудь изъ насъ".

Бѣдная революція! Ею хотятъ прикрыть всякую мерзость... Г. Бурцевъ сдѣлалъ глупость, и, не желая признаться въ этомъ, пытается возвести эту глупость въ правило, безъ котораго, по его увѣреніямъ, невозможна борьба! Да знаетъ ли онъ, что такое "борьба"? Гдѣ былъ г. Бурцевъ, когда сотни товарищей "провѣрялись" не въ кабинетахъ, а на баррикадахъ, когда за грохотомъ орудій не было слышно азефщины?

"На это у насъ есть право"... Г. Бурцевъ такого преувеличенного мнѣнія о собственной персонѣ, что не можетъ говорить о себѣ иначе, какъ во множественномъ числѣ. У кого — "у насъ"? У революціонеровъ вообще? Но кто уполномочилъ его говорить отъ имени всѣхъ революціонеровъ? "У насъ" — въ партіи? Но г. Бурцевъ не принадлежитъ ни къ какой организаціи, да и никакая партія не приметъ его въ свою среду.

Слѣдовательно, проще было сказать "у меня". Но на чемъ, повторяю, основано право г. Бурцева производить сыскные эксперименты надъ своими товарищами? Право "провѣрять" не можетъ принадлежать отдѣльнымъ лицамъ, какимъ-нибудь любителямъ пинкертоновскихъ продѣлокъ, оно — за коллективами, которые могутъ гарантировать добросовѣстность и безпристрастіе въ разсмотрѣніи дѣла, которые не допустятъ, чтобы изъ вопросовъ совѣсти дѣлали рекламу или наживу. Я не протестую противъ такого права, но негодую по поводу самоуправства г. Бурцева, этого самозваннаго слѣдователя и судьи надъ себѣ равными, ибо въ революціонной семьѣ не можетъ быть людей бѣлой и черной кости.

"Это такъ естественно и въ отношеніи Васъ все произошло въ тѣхъ рамкахъ, какъ оно произойти и

должно было. Никогда вопросъ рѣзкой формы не принималъ и отъ него ничего не осталось. Если же аргентинскій вопросъ всплылъ, то я его не понимаю и думаю его разрѣшить такъ же благополучно".

Вотъ цѣнное признаніе! Ложное, совершенно необоснованное обвиненіе въ гнуснѣйшемъ преступленіи неневиннаго ни въ чемъ человѣка — дѣло "естественное"! Да, можетъ быть "естественное" — для г. Бурцева и только для него. Въ глазахъ же всякаго здравомыслящаго человѣка его дѣяніе — тоже преступленіе и болѣе гнусное даже. Что я, благодаря инсинуаціямъ Бурцева, былъ оставленъ товарищами въ критическій моментъ безъ поддержки, что благодаря этому я могъ повиснуть, или погибнуть отъ руки товарищей — все это, по мнѣнію г. Бурцева, надлежащія "рамки", въ которыхъ должны протекать создаваемыя имъ дѣла. Все происходило такъ, какъ "должно было" произойти... Дальше этого идти некуда!

"Все это я пишу потому, что за Вашими плечами большое **историческое** дѣло и Вы должны сохранить свое имя безъ упрековъ".

Ну, конечно! Развѣ около неисторическихъ дѣлъ можно создать большой шумъ. Вѣдь только около этого очага и можно погрѣться. Но какимъ іезуитствомъ отзываетъ наставленіе: "сохраните свое имя безъ упрековъ". Кто это говоритъ? Человѣкъ, который только что бросилъ въ меня большой комъ липкой грязи и не пожелалъ ее самъ счистить.

Бурцевъ заканчиваетъ свое письмо такъ: "Вы можете больше ничего не дѣлать, можете только существовать и этого довольно съ Васъ. Дѣятельность у Васъ впереди".

Очень хорошо. Въ будущемъ пожнете лавры, а пока посидите въ грязи, — совѣтъ дружескій. Ничего не дѣлайте, только существуйте — совѣтъ отческій. "Сидите смирно", еще слѣдовало прибавить...

Но я не пожелалъ только "существовать". Я потребовалъ, чтобы г. Бурцевъ опубликовалъ мое заявленіе въ своемъ Общемъ Дѣлѣ; онъ обѣщалъ это сдѣлать, конечно, со своими примѣчаніями. Однако, когда я написалъ свое заявленіе, Бурцевъ отказался его напечатать, ссылаясь на то, что полемика между революціонерами неумѣстна. Онъ думалъ, что такимъ образомъ мой слабый голосъ не будетъ услышанъ обществомъ. Г. Бурцевъ ошибся.

Вотъ выдержки моего обращенія къ нему.

"Вполнѣ согласенъ въ необходимости раскрытія провокаціи. Это было особенно нужно тогда, когда устарѣвшія формы борьбы азефскаго періода еще не пережили себя.

Но я не могу примириться съ тѣмъ, что Ваша дѣятельность сопровождается многими непростительными ошибками, и что Вы ихъ знаете, но исправлять не хотите.

Коснусь въ данномъ случаѣ только лично меня.

Я упорно настаиваю на томъ, чтобы Вы внимательно отнеслись ко всѣмъ тѣмъ вопросамъ, которыхъ я коснусь. Вы должны были понять, что меня заставило лично Васъ видѣть, да объ этомъ свидѣтельствуютъ и всѣ мои къ Вамъ письма.

Въ предъявленномъ ко мнѣ обвиненіи я виню прежде всего Васъ, такъ какъ Вы — источникъ клеветы, а потомъ и тѣхъ, кто такъ или иначе способствовалъ Вамъ въ этомъ, дѣйствуя на основаніи полученныхъ

отъ Васъ полномочій по передачѣ ложныхъ, не установленныхъ свѣдѣній, которыя едва не привели къ выдачѣ меня русскому правительству.

Я не хочу Васъ ни оскорблять, ни примѣнять какихъ либо насилій. Но помните же, что мы находимся не въ кулуарахъ царскаго суда, гдѣ для слабыхъ нѣтъ защиты, а среди товарищей революціонеровъ, между которыми всякія ранги и привиллегіи должны быть уничтожены.

Къ моему огорченію я вижу, что существуютъ разныя мѣрки для истины. Я замѣчаю, что нѣкоторые воображаютъ, что они непогрѣшимы, и чтобы обѣлить себя, или замалчиваютъ правду, или прибѣгаютъ все къ той же лжи. Будучи у Васъ, я просто задалъ Вамъ вопросъ, — давали ли Вы какое-либо порученіе Ч.? Вотъ Ваши слова: "Боже упаси, никакихъ порученій я не давалъ". Я искренне повѣрилъ Вамъ, и, не получи я днемъ раньше документа, подтверждающаго Вашу виновность, Ч. жестоко поплатился бы... Я былъ въ томъ состояніи, когда кажется лучше умереть на эшафотѣ, чѣмъ быть обезличеннымъ и обезчещеннымъ человѣкомъ! Вы это должны были понять, но Вы этого понять не пожелали. Вы строили козни, отъ которыхъ вѣяло смертью, и въ этой рискованной игрѣ не болѣла ни одна струнка Вашей души. Вы видѣли мои мученія и молчали. Вы продолжаете молчать и теперь.

Но не умолкну я до тѣхъ поръ, пока Вы не признаете свою вину въ возведенной на меня клеветѣ. До тѣхъ поръ не покладу я своего оружія, пока ложь не будетъ уничтожена въ своемъ корнѣ, всюду и вездѣ".

Прошло болѣе года съ того времени, какъ я зая-

вилъ это требованіе "широкихъ разъясненій". Г. Бурцевъ нашелъ возможнымъ игнорировать мое требованіе. Онъ написалъ тысячу жалобъ на Азефа, старается реабилитировать бывшаго директора полиціи, защищаетъ жертвы неправосудія, но не находитъ времени сказать что-нибудь о жертвѣ своего разоблачительскаго произвола. Но довольно я терпѣлъ. Я не могу молчать. Я заставлю г. Бурцева говорить не только о своихъ сомнительныхъ подвигахъ, но и о своихъ явныхъ преступленіяхъ. Я требую его отвѣтственности и не передъ однимъ общественнымъ мнѣніемъ, но и передъ судомъ товарищей-революціонеровъ. Судъ долженъ быть, и я его найду! Я заставлю г. Бурцева и его сподвижниковъ ни на минуту не забывать кровью написанныя слова одной изъ ихъ жертвъ — покойной Лапиной.

"Будьте осторожнѣе съ другими!"

Я. Акимовъ.

